

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-011-023

АСЕАНОЦЕНТРИЧНЫЕ МНОГОСТОРОННИЕ ДИАЛОГОВЫЕ ФОРМАТЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ ПОВЕСТКИ

Евгений Александрович КАНАЕВ¹

¹ ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

e.a.kanaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Аннотация: В статье проводится попытка проследить эволюцию площадок и инициатив многосторонней дипломатии Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – АРФ, СМОА+, ВАС и ВРЭП на фоне усиления элементов конфликтности в отношениях между основными акторами Азиатско-Тихоокеанского региона, вплоть до слома инклюзивного характера его развития. Прослежена эволюция площадок, на которых происходит многостороннее обсуждение вопросов азиатско-тихоокеанской безопасности – АРФ, СМОА+ и ВАС, выявлены угрозы их функционированию со стороны проекта Индо-Тихоокеанский регион и отдельно – Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (ИТЭРС). Уточнена возможность снизить остроту накопившихся противоречий при помощи инструментов Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). С точки зрения автора, существует фундаментальное противоречие в политике АСЕАН по выстраиванию многостороннего диалога на азиатско-тихоокеанском пространстве. Приступив к формированию инфраструктуры обсуждений вопросов политики и безопасности на инклюзивной основе, Ассоциация впоследствии стала развивать форматы и инициативы экономического сотрудничества без инклюзивности как ключевой характеристики своих проектов. В результате макро-факторы внешней среды препятствуют Ассоциации в выработке консолидирующей повестки сотрудничества в выстраивании диалога с внерегиональными партнерами.

Ключевые слова: АСЕАН, многосторонний диалог, экономика, политика, безопасность, консолидирующая повестка

Для цитирования: Канаев Е.А. Асеаноцентричные многосторонние диалоговые форматы: проблемы выработки консолидирующей повестки // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 5, № 4 (61). С. 11–21. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-011-023

Original article. Political science

ASEAN-LED MULTILATERAL DIALOGUE FORMATS: A PROBLEMATIC CONSOLIDATING AGENDA

Evgeny A. KANAEB¹

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,

e.a.kanaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Abstract: The article traces the evolution of ASEAN-centric multilateral dialogue venues and initiatives (the ARF, ADMM Plus and EAS) amidst a rise in conflict in relations between Asia-Pacific major actors, including a collapse of inclusive Asia-Pacific development agenda. On tracing the evolution of Asia-Pacific multilateral security dialogue platforms – ARF, ADMM Plus and EAS – and revealing threats to these venues from the project Indo-Pacific region and individually, Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) Agreement, the paper specifies whether these threats can be eliminated by the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) instruments. The author points to a fundamental contradiction to ASEAN's policy on developing Asia-Pacific multilateral dialogue. While the political-security track of ASEAN's policy has been inclusive since its beginning, subsequent ASEAN economic-centered efforts conspicuously lack inclusivity as a basic feature of ASEAN's projects. As a result, regional macro-factors undermine ASEAN's policy aimed at developing a consolidating agenda in dialogue with extra-regional partners.

Keywords: ASEAN, multilateral dialogue, economy, politics, security, consolidating agenda

For citation: Kanaev E.A. ASEAN-Led Multilateral Dialogue Formats: a Problematic Consolidating Agenda. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 5, № 4 (61). Pp. 11–21. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-011-023

Модерирование площадок и инициатив многостороннего сотрудничества в области экономики, политики и безопасности является неотъемлемой чертой политики Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Такая возможность по праву считается одной из ярких историй успеха Ассоциации. Вместе с тем, современные тенденции глобального и регионального развития с нарастанием элементов конфликтности в отношениях между наиболее влиятельными игроками объективно препятствуют функционированию таких форматов, попутно вызывая критические вопросы к АСЕАН как их координатору. В этих условиях Ассоциация объективными обстоятельствами

подталкивается к «перезагрузке» такого диалога, усилив консолидирующую составляющую во взаимодействии между его участниками.

Однако реализация этой задачи сложна именно с инструментальной точки зрения, поскольку векторно диалог по политическим вопросам с одной стороны и по экономическим с другой нацелен в разные стороны. Если обсуждения проблем политики и безопасности ориентированы на инклюзивность как базовое условие их проведения, то экономические проекты не только не поддерживают формат инклюзивности, но и изначально выстраивались без опоры на него.

Политика и безопасность: «всеобъемлющая инклюзивность»

Не перечисляя этапы эволюции асеаноцентричного диалога по вопросам политики и безопасности, равно как не пересказывая особенности каждого из них, отметим ряд основополагающих моментов. Во-первых, становление асеаноцентричных диалоговых структур пришлось на времена, когда между приоритетами внерегиональных партнеров АСЕАН и их практической политикой возникли своеобразные «бреши», которые Ассоциация смогла заполнить. Вряд ли можно утверждать, что АСЕАН обладала каким-то особым потенциалом, непревзойденными дипломатическими навыками или выдающимися заслугами (хотя преуменьшать ее роль в урегулировании камбоджийского конфликта, разумеется, не стоит). Дело было, скорее, в политическом чутье: выстраивая диалог с внерегиональными партнерами, АСЕАН успешно апеллировала к таким темам, которые именно в то время были для них важны, и смогла выработать такую модальность сотрудничества, которая могла бы быть адаптирована этими партнерами как пусть и второстепенный, но все же эффективный инструмент в решении актуальных для них задач.

Примеров тому множество. Образование АРФ стало возможным во многом благодаря тому, что этот формат отменно вписывался в приоритеты США, приступивших к сокращению своего военного присутствия в Восточной Азии, и Китая, активизировавшему модернизацию НОАК. Важно и иное обстоятельство: хотя причины заинтересованности Вашингтона и Пекина в АРФ были противоположны, и тот, и другой были нацелены на его развитие и на свое участие в его заседаниях. Формирование ВАС отвечало интересам Китая хотя бы по той причине, что движение в этом направлении началось после азиатского финансового и экономического кризиса с созданием Группы перспективного планирования и Группы перспективного изучения Восточной

Азии, рекомендовавших приступить к формированию ВАС на основе АСЕАН+3, на чем настаивал Пекин. А создание СМОА+, как минимум, не противоречило нацеленности США на диверсификацию инструментов своего «возвращения в Азию», в том числе на более активное участие в форматах азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества, и Китая, стремившегося диверсифицировать инструменты своей военной дипломатии.

Применительно к АРФ важно учитывать следующий момент. Его формат международного сотрудничества (под чем понимается его внутренняя организация и направление эволюции), как глобального, так и регионального, который стал складываться в начале 1990-х гг., носил инклюзивный характер¹. Каждый из его участников, несмотря на неизбежные различия с позициями других партнеров, понимал главное: зачем ему нужна инклюзивность, и какие действия – их направления, последовательность и пр. – должны быть предприняты для ее укрепления. Это особенно важно, поскольку инклюзивности в том виде, в котором ее привнесла в регион АСЕАН через АРФ, до окончания «холодной войны» не было и не могло быть ни в формальном, ни тем более в содержательном отношении.

Еще раз подчеркнем: с момента создания АРФ и по мере последующего развития асеаноцентричной системы многосторонних диалогов эти площадки имели второстепенное значение в приоритетах каждого из их суверенных участников, включая сами страны АСЕАН, а реализация достигнутых договоренностей была опциональна. В таких условиях асеановские принципы сотрудничества оказались очень к месту: ведь именно посредством предоставляемых Ассоциацией инструментов на региональном уровне можно было, как показывает пример Северной Кореи, быть услышанным и обосновать свою позицию².

Деятельность и даже сам факт существования этих площадок имели и глобальное измерение: по мере ухудшения отношений между влиятельными мировыми игроками именно асеаноцентричные форматы стали представлять собой подходящий, а главное – постоянно работающий канал коммуникации между США и Китаем, Китаем и Индией, Китаем и Японией и пр., который теоретически можно задействовать для обсуждения частных вопросов, не вынося их на рассмотрение глобальных переговорных структур. Соответственно, для крупных региональных и глобальных игроков асеаноцентричные форматы были и остаются едва ли не идеальным вспомогательным инструментом для решения своих задач, попутно позволяя этим странам демон-

стрировать учет коллективных интересов и приверженность общему благу.

Во-вторых, с середины – второй половины 1990-х гг. Ассоциация не развивала инфраструктуру своих многосторонних диалоговых форматов – ни в содержательном, ни в институциональном, ни в нормативном отношении. Это особенно заметно при сравнении этого периода с «вертикальным взлетом» начала 1990-х гг., когда АСЕАН, фактически, отказалась от своей предыдущей модальности сотрудничества, изложенной в Концепции создания в ЮВА зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН). Результат закономерен: и после Азиатского финансового и экономического кризиса 1997-1998 гг., и после глобального финансового и экономического кризиса 2008-2009 гг., и во время пандемии COVID-19 Ассоциация стала «работать на количество», проводя обсуждения ради обсуждений, создавая новые институты ради новых институтов, т.е. имитировать деятельность вместо поисков действительно эффективных решений накапливающихся проблем.

В итоге АСЕАН утрачивает моральный авторитет, и, что важнее, своеобразную «историческую правоту», чем она обладала после урегулирования камбоджийской проблемы. Растут нарекания к Ассоциации и в отношении того, что в экспертных кругах называют «силой компетентности» (*competence power*)³. Соответственно, функциональное сотрудничество в локальных масштабах и при ограниченном количестве участников – это максимум, что АСЕАН смогла достичь, и, по всей видимости, чего от нее можно ожидать. Достаточно ли этого для того, чтобы обеспечивать консолидирующий мотив в отношениях между влиятельными глобальными игроками на более широком, чем АТР, географическом пространстве и в условиях кратного усложнения угроз безопасности?

Отвечая на этот вопрос, уместно обратиться к борьбе с киберугрозами как части повестки асеаноцентричных диалоговых структур. Для эффективной координации диалога по этому направлению в АРФ, СМОА+ и ВАС, Ассоциации нужно иметь преимущества над своими партнерами по трем базовым позициям: инфраструктура, относящаяся к прокладке 5G интернета, программное обеспечение, цифровые компетенции. Этих активов у АСЕАН нет, и в обозримом будущем они не появятся, хотя усилия стран «десятки» эти компетенции обрести заслуживают похвалы⁴.

В-третьих, АСЕАН видит АРФ, СМОА+ и ВАС как инструменты продвижения глобальной составляющей своей политики. Стремясь

создать эффект масштаба – а это основной фактор инвестиционной и коммерческой привлекательности ЮВА и ее превращения в унифицированное пространство производственной и предпринимательской деятельности, – АСЕАН понимает: для этого необходимы соответствующие политические условия. Последние, равно как инструменты их формирования, должны иметь глобальное, а не региональное измерение и быть нацелены на решение глобальных задач, пусть даже в их проекции на Юго-Восточную Азию. Яркий пример – обсуждение проблемы Южно-Китайского моря, глобальная составляющая которой растет с середины 2000-х гг., на заседаниях АРФ, СМОА+ и ВАС. Но будучи нацеленной на наращивание своего глобального влияния, Ассоциация видит, что мир эволюционирует именно в том направлении, которого АСЕАН стремилась не допустить в АТР: перспективные экономические проекты, равно как экономическая составляющая глобального развития в целом, приносятся в жертву сиюминутной политической конъюнктуре.

В обозримом будущем эти глобальные тенденции, равно как реакция АСЕАН на них, будут развиваться по нарастающей. Одну из причин подметили эксперты Валдайского клуба, указав, что сверхдержавы уже не могут создавать «... политико-экономическую инфраструктуру, участие в которой (и, соответственно, соблюдение ее правил) воспринимается как абсолютная ценность»⁵. Растет запрос на создание альтернативных глобальным институтам управления и регулирования. Обостряются противоречия между развитыми и развивающимися странами, что проецируется в том числе на асеаноцентричные диалоговые форматы. Если учесть, что АСЕАН была одним из бенефициаров глобализации и взаимозависимости на ее основе, нынешние процессы становятся фактором ее растущей уязвимости.

В общем и целом, у Ассоциации накапливаются проблемы, связанные с функционированием ведомых ее усилиями многосторонних диалоговых форматов по обсуждению вопросов безопасности. Провести перезагрузку деятельности этих площадок, отвечающую как их задачам, так и существу стоящих перед регионом вызовов, Ассоциация пока не смогла.

Инициатива ИТР и ее последствия для асеаноцентричного диалога

С конца 2010-х гг. перспективные планы и политика Ассоциации испытывают существенное, а главное – растущее, влияние со стороны инициативы Индо-Тихоокеанский регион, продвигаемой «в пи-

ку» китайскому мироустроительному проекту Инициатива Пояс и Путь⁶.

Это влияние проявляется по ряду направлений. Ассоциации сложно адаптировать ИТР к собственным перспективным планам, основным из которых остается формирование Сообщества АСЕАН. С этой точки зрения тезис «Индо-тихоокеанского видения АСЕАН», что АРФ, СМОА+ и ВАС должны быть интегрированы в повестку сотрудничества ИТР⁷, выглядит так, что Ассоциация готова взять на себя решение постоянно растущего кома проблем в отношениях между США и Китаем вдобавок к уже существующим. Тем более, что деятельность АРФ, СМОА+ и ВАС объективно сложно, если вообще возможно, перепрограммировать таким образом, чтобы их участники обсуждали возможности сотрудничества одновременно на пространстве АТР и ИТР. Не говоря о том, что ИТР с момента своего возникновения был и остается антикитайским проектом, а в современных условиях ни одна инициатива не может быть успешной без ее координации (в какой степени – отдельный вопрос) с Китаем. Это подрывает саму возможность увязки деятельности АРФ, СМОА+ и ВАС с проектом ИТР – хотя бы потому, что непонятно: каким образом это делать с инструментальной точки зрения. Можно, конечно, допустить, что «на полях» АРФ, СМОА+ и ВАС будут проходить встречи участников Четырехстороннего оборонного формата (ЧОФ, Quad) и обсуждаться антикитайские мероприятия, но на практике этот сценарий едва ли реалистичен.

Не менее важно и иное: у АСЕАН нет каких-либо страховочных механизмов – опять же, в институциональном, нормативном и содержательном отношении – на тот случай, если при адаптации АРФ, СМОА+ и ВАС к инициативе ИТР возникнут сбои. Можно допустить и то, что АСЕАН попытается наладить некое институциональное взаимодействие с ЧОФ – возможно, попросив о статусе ассоциированных участников для АРФ, СМОА+ и ВАС. Однако этот сценарий окончательно подорвет нейтральность и инклюзивность как основу асеаноцентричных форматов сотрудничества.

Отметим и то, что нынешние тенденции к деглобализации ведут к «сужению» диалоговых форматов, чему проект ИТР явно противоречит. Соответственно, попытка АСЕАН расширить деятельность своих институтов многосторонней дипломатии на более широкое географическое пространство скажется на их эффективности самым пагубным образом. Тем более, что Ассоциация помнит: попытка это сделать на уровне АТР – приступив к расширению состава участников

АРФ – негативно сказалось на его эффективности, вызвав вопросы к Ассоциации как к его координатору.

В общем и целом, то состояние, которое характеризует асеаноцентричные многосторонние институты, можно описать как «застывание на середине». С одной стороны, выстроенная Ассоциацией система функционирует без малого три десятилетия, если за точку отсчета брать первое заседание АРФ в 1994 году. С другой – она, равно как Ассоциация как ее координатор, не может эффективно амортизировать противоречия между крупными региональными игроками на пространстве АТР и вряд ли будет в состоянии это делать на более широком – Индо-Тихоокеанском – географическом пространстве, где проблем в отношениях между региональными и глобальными игроками существенно больше.

Не меньше поводов для обеспокоенности дает Ассоциации и экономическое измерение инициативы ИТР. В мае 2022 г. было подписано Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС). И хотя этот шаг можно назвать своевременным – хотя бы потому, что теперь в общих чертах просматривается экономическая составляющая проекта, – основной чертой ИТЭРС стало то, что оно не дает своим участникам доступа на рынки друг друга, а представляет им лишь площадку для дискуссий и координации действий в области торговли, развития цепочек поставок, экологии и т.н. «честной экономики» (fair economy)⁸. Применительно же к интересам АСЕАН сквозь призму ИТЭС важно то, что Ассоциация не может выстраивать эффективную координацию своей политики с ИТЭРС в силу отсутствия для этого необходимых инструментов. В числе участников ИТЭРС отсутствуют Лаос, Камбоджа и Мьянма. Пока нет оснований ожидать, что ИТЭРС возьмет на себя реализацию проектов, связанных с инфраструктурным строительством, в том числе в ЮВА. А для АСЕАН это было и остается принципиальным фактором: без масштабных инвестиций в инфраструктуру не состоится ни повышения конкурентоспособности ее стран-участниц, ни превращения Юго-Восточной Азии в унифицированное и привлекательное для инвесторов пространство ведения производственной и коммерческой деятельности с эффектом масштаба⁹.

Проблему можно было бы хотя бы частично решить, предоставив АСЕАН статус, например, наблюдателя при ИТЭРС с доступом к документации (каковы полномочия такого наблюдателя – другой вопрос, но Ассоциация могла бы осуществлять мониторинг деятельно-

сти ИТЭРС не извне, а изнутри), но этого нет и, по всей вероятности, в обозримой перспективе не появится.

В общем и целом, в контексте развития американской инициативы ИТР перед АСЕАН стоит немало сложных задач – по линии как политики и безопасности, так и экономики. Пока шансы Ассоциации на их успешное решение минимальные в силу отсутствия для этого инструментальных предпосылок.

Экономика: ВРЭП как ответ

Но может быть, такие предпосылки даст Ассоциации ее проект Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)? Его по праву можно считать – по крайней мере, с точки зрения формальных показателей – одним из самых впечатляющих успехов Ассоциации, которая стояла у истоков ВРЭП, а сейчас осуществляет функции его координатора. Приходится признать: основания для беспокойства есть у Ассоциации и тут.

Обращение АСЕАН к ВРЭП ознаменовало окончательный поворот стран АТР от инклюзивности экономического сотрудничества к более узким форматам (более ранним примером можно считать АСЕАН+3). Причины носили не только экономический характер, хотя противоречия между китайским и японским предложениями – о создании Зоны свободной торговли и развития Всеобъемлющего экономического партнерства в Восточной Азии¹⁰ – не позволяли участникам ВАС наладить полноценные хозяйственные обмены, создание Саммита Китай – Япония – Республика Корея могло подорвать эффективность экономических проектов как ВАС, так и АСЕАН+3, а с АТЭС уже во второй половине 2000-х гг. не связывали надежды даже горячие сторонники фритрейнерства¹¹. Но главное – в другом: обозначились фундаментальные противоречия между США и Китаем. В представлениях Вашингтона геоэкономика – Транстихоокеанское партнерство, нацеленное на превращение АТР в зону повышенной проницаемости интересов США – было увязано с геополитикой: подняв тему стремления Китая утвердить себя в качестве игрока, контролирующего морские пространства АТР (в какой мере это соответствовало действительности – отдельный вопрос), США стремились сплотить страны региона на антикитайской основе.

Сыграло для АСЕАН роль и иное обстоятельство: Вашингтон и Пекин по-разному подходили к выстраиванию диалога с ней как с единым целым. Если американская политика была направлена на сотрудничество с отдельными странами АСЕАН по линии Рамочных

соглашений о торговле и инвестициях, то с Китаем Ассоциация развивала экономическое сотрудничество в формате КАФТА (Зона свободной торговли АСЕАН-Китай), вступившем в силу в 2010 году. И хотя ее первые результаты носили, как минимум, неоднозначный характер, а в год ее вступления в силу (2010) «с подачи» Вашингтона на ханойской сессии АРФ обострилась проблема Южно-Китайского моря¹², тем не менее, сотрудничество Ассоциации с Китаем могло быть увязано с ее перспективными планами. Рамочные соглашения о торговле и инвестициях этого сделать не позволяли, поскольку условия сотрудничества существенно отличались. Не давало Ассоциации такую возможность и ТТП: к переговорам присоединились лишь четыре страны-члена АСЕАН. Да и в целом, «кульбиты» в целеполагании вашигтонских администраций, относящиеся в том числе к экономической политике США в АТР (команда Б.Обамы рассматривала ТТП как экономическую основу американского «возвращения в Азию», а первым указом Д.Трампа стал выход США из ТТП), нервировали асеановцев, развивающих диалог как между собой, так и с внерегиональными партнерами, на совсем иных мировоззренческих принципах – как минимум, избегая резких перемен.

Эти и другие события лишь придают значимости тому обстоятельству, что АСЕАН смогла довести до конца переговоры о формировании ВРЭП и «застолбить» за собой статус его координатора. Тем более, что ВРЭП не является простой суммой ЗСТ АСЕАН и ее партнеров по ВАС и имеет собственную «добавленную стоимость». ВРЭП вводит новые направления сотрудничества, ранее отсутствовавшими в ЗСТ АСЕАН+1. В их числе: положения о конкуренции с участием госпредприятий, защита прав интеллектуальной собственности, электронная торговля и государственные закупки. Если в некоторых двусторонних ЗСТ АСЕАН с партнерами по ВАС снижены или устранены тарифы лишь на 60% взаимной торговли, то соответствующий показатель ВРЭП – 90%¹³. Унифицированы правила происхождения товара – при том, что до окончания переговоров о ВРЭП и его вступления в силу у Ассоциации было семь разных правил определения происхождения товара (в формате АТИГА – *ASEAN Trade in Goods Agreement*, АТИГА – и шести ЗСТ АСЕАН+1, включая ЗСТ АСЕАН-Гонконг). Глава ВРЭП по инвестициям идет дальше соответствующих положений ВТО, не прописывая, однако, механизма разрешения споров между инвестором и государством. Программы облегчения функционального сотрудничества ВРЭП, финансируемые его участниками, тоже отсутствуют в ЗСТ АСЕАН+1, а положения ВРЭП об электрон-

ной торговле, не уступают, к примеру, ВПТТП по глубине проработки этой темы. Отсюда – сомнения в том, что Ассоциация сможет быть эффективным не то, что координатором, а хотя бы посредником в сотрудничестве между участниками ВРЭП.

Для Ассоциации это обстоятельство тем более актуально, что у нее остается немало сложностей по линии реализации и иного своего проекта – Экономического Сообщества АСЕАН. Несмотря на многочисленные инициативы по стимулированию хозяйственных связей, а таковые принимаются Ассоциацией регулярно, она остается лишь суммой десяти своих стран без «добавленной стоимости» в виде эффективно работающих наднациональных институтов. В таких условиях асеановцы естественным образом сконцентрированы на своем внутреннем развитии, однако проблемы появляются и тут. В будущем они с высокой долей вероятности усугубятся. Даже очень небольшое сокращение расчетов в американской валюте приведет к тому, что будет подорвана сама основа экспортоориентированных стратегий, которые взяли на вооружение государства ЮВА: стимулирование экспорта при защите национального производителя монетарными и фискальными инструментами. Перспектива финансовой нестабильности как следствие дедолларизации, даже если не случится масштабных финансовых и экономических потрясений, сопоставимых с событиями 1997-1998 и 2008-2009 гг., подрывают для стран АСЕАН как собственно благоприятные условия для внешнеэкономических обменов – АСЕАНовцы слишком глубоко интегрированы выстроенную вокруг доллара экосистему сотрудничества, чтобы безболезненно осуществить отход от нее, – так и проведение необходимых внутренних преобразований.

Сопутствующим малоприятным, но закономерным итогом рассмотренных выше процессов станет стагнация диалоговой площадки АСЕАН+3, остающейся важным фактором и инструментом устойчивости Ассоциации. Втягивание Японии и Южной Кореи в политические игры вокруг доллара (а учитывая, например, активизацию контактов Японии и НАТО¹⁴, этот сценарий нельзя исключать) пагубным образом отразится на реализации многосторонних проектов в АСЕАН+3 – по линии укрепления финансовой и продовольственной безопасности, расширения промышленных, образовательных и иных обменов.

В общем и целом, экономическую составляющую многостороннего диалога АСЕАН едва ли можно считать страховочным механизмом для снижения остроты политических противоречий. Инструмен-

тально и содержательно эти проекты – прежде всего, инициатива ВРЭП – едва ли может содействовать Ассоциации в эффективном решении этой задачи.

Выводы

Рассмотрение эволюции «ведомых» усилиями АСЕАН структур многостороннего диалога подталкивает к ряду оценок. Хотя к решению сложных задач Ассоциации не привыкать, ей придется решать свои нынешние проблемы преимущественно без опоры на свой предыдущий опыт, приобретенный во время реализации проектов, участники которых рассматривали укрепление инклюзивности как безусловное благо.

Можно ожидать, что в перспективе инклюзивность международной среды, в которой Ассоциация выстраивает свою политику, будет вымываться и дальше. Китайско-американские противоречия охватывают все новые сферы, включая цифровое пространство. Это не лучшим образом сказывается и на сотрудничестве в асеаноцентричных форматах – от укрепления кибербезопасности до цифрового сопровождения крупных экономических и коммерческих проектов совместными усилиями.

Давая оценку возможностям Ассоциации эффективно купировать накопившиеся проблемы, подчеркнем: эффективность ее политики подрывает разновекторность ее усилий по выстраиванию многостороннего сотрудничества. С одной стороны, после «холодной войны» АСЕАН стала развивать собственную систему безопасности (АРФ, СМОА+ и ВАС) именно на инклюзивной основе (Китай и США присутствовали в каждой из этих площадок). С другой стороны, экономическая сторона этой политики (а она была нацелена, главным образом, на то, чтобы обеспечить АРФ, СМОА+ ВАС прочным экономическим фундаментом) изначально выстраивалась на принципах, далеких от инклюзивности. АСЕАН участвовала в «инклюзивных» региональных проектах, примером чему служит АТЭС и его проект АТЭССТ, не в полном составе. Собственные же форматы и инициативы Ассоциации изначально были нацелены на избирательное сотрудничество: достаточно сказать, что в АСЕАН+3 и ВРЭП не участвуют США. Таким образом, ратуя за инклюзивность, АСЕАН изначально не была последовательной в этом вопросе. В настоящее время именно это обстоятельство объективно препятствует усилиям Ассоциации предложить своим партнерам консолидирующую повестку сотрудничества в интересах всех его участников.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

КАНАЕВ Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦАТИ, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 30.10.2023;
одобрена после рецензирования 16.11.2023;
принята к публикации 30.11.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. KANAEV, DSc (History), Leading Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), Moscow, Russia

The article was submitted 30.10.2023;
approved 16.11.2023;
accepted to publication 30.11.2023.

¹ Подробнее об АРФ см.: Канаев Е., Падерина С. Региональному Форуму АСЕАН – 25 лет. // Запад – Восток – Россия 2019. Ежегодник / Отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г.Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 137-141.

² Shawn H., Anantasirikiat S. What North Korea Gains from Participating in the ASEAN Regional Forum. NK News. August 27, 2021. URL: <https://www.nknews.org/2021/08/what-north-korea-gains-from-participating-in-the-asean-regional-forum/>

³ Eaton S., Stubbs R. Is ASEAN Powerful? Neo-Realist versus Constructivist Approaches to Power in Southeast Asia. The Pacific Review. 2006. Vol. 19. № 2. P. 135–155.

⁴ Digital Trust Insights 2023: the Southeast Asia Perspective. PwC, 2023. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/consulting-services/pdfs/digital-trust-insights-2023-the-southeast-asian-perspective.pdf>

⁵ Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Мир без сверхдержав. М.: МДК «Валдай», 2022. С.4. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/43157/>

⁶ АСЕАН в контексте расширенной концепции тихоокеанского регионализма. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз. / Под ред. В.В.Михеева, В.Г.Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 155-167.

⁷ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

⁸ US Department of Commerce. Indo-Pacific Economic Framework. URL: <https://www.commerce.gov/ipeff#:~:text=Since%20its%20launch%2C%20the%20IPEF,Economy%3B%20and%20Fair%20Economy%20respectively.>

⁹ ASEAN Economic Integration Brief. 2023. № 13. P. 1-8. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/07/AEIB_No.13_July2023_final.pdf

¹⁰ Zhang Y., Shen M. The Status of East Asian Free Trade Agreements. // Asian Development Bank Institute (ADBI) Working Paper. 2011. № 282. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/53698/1/662056426.pdf>

¹¹ Сумский В.В., Канаев Е.А., Колдунова Е.В. Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: безопасность и развитие. Итоги Первого азиатско-тихоокеанского форума. М.: Издательство «Проспект», 2012. URL: https://russiancouncil.ru/upload/RIAC_ATR.pdf

¹² Landler M. Offering to Aid Talks, U.S. Challenges China on Disputed Islands. The New York Times. July 23, 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/24/world/asia/24diplo.html>

¹³ Armstrong S., Drysdale P. The Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asian Regional Architecture. // RCEP: Implications, Challenges and Future Growth of East Asia and ASEAN / Ed. by Kimura F., Thangavelu S., Narjoko D. Jakarta, ERIA, 2022. P. 251.

¹⁴ См., например: Domingues G. Japan and NATO Usher in New Era of Cooperation amid China Concerns. The Japan Times. July 12, 2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/07/12/national/politics-diplomacy/japan-nato-new-cooperation-agreement/>